

Карты № 6

1312/10-43р/2  
152(23-24р)

Богуславский, ф.

## СЕЛО ЮРИНОВКА

(НОВГОРОДСЬВЕРСКАГО УЪЗДА, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ)

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ  
ОТНОШЕНІЯХЪ (\*).

### I.

Село Юриновка находится во 2 станъ Новгородсѣверскаго уѣзда, на границѣ Глуховскаго, въ 40 верстахъ отъ Новгородсѣверска и въ 20 отъ мѣстечка Серединой-Буды; расположено на возвышенности лѣваго берега рѣчки Буковища, въ двѣ линіи, составляющія прямую улицу, на протяженіи двухъ верстѣ. Съ южной, западной и сѣверной стороны оно окружено большимъ лѣсомъ, а съ восточной — лугомъ,

(\*) При составленіи этой статьи, авторъ, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться письменными источниками, а болѣе основывался на народныя, устные сказанія, — почему статья эта и вышла неполною, но, тѣмъ не менѣе, для этнографа составляетъ особенный интересъ. Надѣмся, что авторъ, со временемъ, воспользуется и письменными источниками — лѣтописями, записками и актами и, присоединивъ къ нимъ народныя преданія, подаритъ Редакцію статью, болѣе полною и подробною. Во всякомъ случаѣ, усердно благодаримъ г. Богуславскаго за его трудъ; желаемъ, чтобъ и другіе послѣдовали его примѣру. Ред.

который, въ лѣтнее время, служитъ тамошнимъ поселянамъ хорошимъ выпускомъ для скота. Юриновка церковію раздѣлена на двѣ части, называемыя—одна Гордіевщиной, а другая Бураковщиной (1). По распоряженію начальства, улица въ Юриновкѣ, по обѣ стороны, густо обсажена вербами,—въ предохраненіе домовъ поселянъ отъ пожара. По свойству суглинистой почвы и тѣсотѣ улицы, осенью и весною въ Юриновкѣ бываетъ непроходимая грязь. Черезъ Юриновку, вдоль села, протекаетъ рѣчка Буковище, которая беретъ начало изъ крыницы въ деревнѣ Дупликовкѣ и, проходя пространство на 80 верстѣ, вливается въ рѣку Свиржѣ, впадающую въ Десну.

Нынѣ въ Юриновкѣ дворовъ 116 и въ нихъ 429 ревизскихъ душъ, исключительно казенныхъ крестьянъ.

Церковь въ Юриновкѣ деревянная—во имя Святыя Троицы, покрыта желѣзомъ; при ней такая же колокольня, съ четырьмя колоколами, изъ коихъ большой называется воскреснымъ, а средній—субботникомъ.

Въ Юриновкѣ находятся: сельская расирава, деревянные казенные магазины для хлѣба, крупорушка, машина для молки жита, 7 мельницъ, изъ коихъ одна водяная, 13 маслобоень и 5 кузницъ.

## II.

### ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ.

Хотя нѣтъ ясныхъ письменныхъ указаній относительно наименованія Юриновки; но, основываясь на разсказахъ старожиловъ и поземельныхъ актахъ жителей села Юриновки, можно съ достовѣрностію сказать, что основаніе ея принадлежитъ къ довольно давнему времени. Говорятъ, что во время пер-

(1) Первая получила свое названіе отъ поселянъ Гордіенковъ, а вторая—Бураковъ.

выхъ смуть въ Малороссіи, пришла одна женщина, по имени Хадора, съ сыномъ своимъ Юріемъ и, избравъ для своей осѣдлости мѣсто въ густотѣ лѣсовъ, близъ озера, нынѣ называемаго Топыло (въ полуверстѣ отъ Юриновки),—основала тамъ хуторъ, который и назывался по имени ея сына—*Юріевъ*. Старики говорятъ, будто бы эта женщина, Хадора, въ весенній Юрьевъ день, по неосторожности, утонула въ озерѣ Топылѣ,—отъ чего, будто, и озеро съ того времени стало называться „Топыло“. Вслѣдствіе этого случая, сынъ ея Юрій, считая мѣсто, гдѣ онъ съ матерью поселился, и самое время поселенія (Юрьевъ день) несчастливыми, или полагая это мѣсто неудобнымъ для жизни,—переселился на лѣвый берегъ рѣчки Буковища, на то мѣсто, гдѣ нынѣ находится Юриновка. Относительно наименованія Юриновки, иные старики говорятъ, что она названа такъ по имени основателя своего Юрія, а другіе утверждаютъ,—что въ память смерти матери его, которая, какъ я сказала выше, случилась въ Юрьевъ день. Первое вѣроятнѣе послѣдняго. Но, впрочемъ, Юриновка долго была известна подъ именемъ *хутора Юрьева*.

Безъ сомнѣнія, народонаселеніе этаго хутора возрасло отъ стекавшихъ сюда съ разныхъ сторонъ людей, искавшихъ убѣжища отъ преслѣдованія враговъ: ибо Юриновка, расположенная въ глуши лѣсовъ, могла служить вѣрнымъ убѣжищемъ для несчастныхъ. Съ того времени, хуторъ Юрьевъ, вѣроятно, сталъ именоваться *деревнею Юріевкою* или просто *Юрьевкою*, какъ видно изъ старыхъ картъ, на коихъ Юриновка отмѣчена *деревнею Юріевкою*. Вотъ интересный разсказъ старожила о послѣднемъ обстоятельстве: „Не можемъ знатиметь (\*), якъ по вашему, мой любезни паничокъ Федька Трахимавичъ,—па письмѣннаму; а мнѣ кагысь батька разказував,—нехай йому земля перомъ, да легесенько на тым сви-

(\*) Можетъ быть, слѣдуетъ: *знати?*

ти згадаецця, — що калысь, як була велька трусанына по билому світу и народ Божи був в велькой притузи, — тады, каже, Бо-знать откуля, примандравалы сюды людзи, да й хлопци, казав, булы моцныя, и зустались, маляв, тутеньки праживаты; а хто такы ваны булы — пра те Бог Святы зна, и я вашайи милости, не в паинивъ буде, не зкажу; да й батцка казав — не знае; тьльки, правда, гаманив, що инши и Богу Святому вирили и хрест святой клалы, а инши дак — прасти Господы и ваша милость — хуже сабак: па середам, да па святым пятюнкам скароннее лопалы, — сказана нехристи; а вже по яковски гаманилы, — так и Божачка мый прелюбезни! сором людзям хрящоным сказац, — славечка, казав, не втропишь, — хуже жида пракалятущаго! *З тых пор, казав батцка, з хутора наша Юрнавка, бачь, стала деревня;* да и дзяк наш Иван Казьмич раз, правда, мини казав, що батцка мый правду гаманив: бачь, вын (\*) начитав идесь у церкви — у кнызи“.

Эта-то самая деревня была свидетельницею многих неустройствъ Малороссіи. При введеніи въ Малороссіи уніи, Юриновка, по волю ксензовъ, была отдана во владѣніе Новгородсверскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. За тѣмъ, по грамотамъ разныхъ лицъ, нѣсколько разъ переходила изъ владѣнія Новгородсверскаго во владѣніе Елецкаго Черниговскаго монастыря (2). Это продолжалось до временъ Петра Великаго, который обратилъ ее въ казну.

Во времена самозванца Отрепьева, Юриновцы, пребывая вѣрными дому Годунова, навлекли на себя гнѣвъ Новгородсверскаго помещика Малюги, который рѣшился или истребить Юриновку, или привести въ подданство Самозванцу. Толпы крестьянъ Малюги нашли на Юриновку; но жители ея, встрѣтя враговъ изъ своихъ укрѣпленій, разбили наголову и

(\*) Т. е. дьякъ.

Ред.

(2) Универсалъ на земли, данный Юриновцамъ и утвержденный гетманомъ Мазепою, и поземельный актъ Юриновскихъ поселянъ, данный Лазаремъ Барановичемъ.

многихъ взяли въ плѣнь; но это торжество Юриновцевъ было непродолжительно: Малуга, услыша о пораженіи своихъ крестьянъ, послышавъ самъ къ Юриновкѣ, съ намѣреніемъ поразить Юриновцевъ и отнять плѣнныхъ, — и получилъ желанный успѣхъ... Разбитые на голову Юриновцы искали спасенія въ лѣсахъ; а жены и дѣти ихъ, которыя не могли спастись бѣгствомъ, были жертвою безчеловѣчнаго Малуги и его клевретовъ; дома же Юриновцевъ преданы огню. Велѣдъ за тѣмъ, Басмановъ покорилъ Юриновку Отрешеву. Въ 1665 году, она была разорена Поляками: когда Король Янъ Казиміръ осаждалъ Глуховъ (3), войска его, опустошая села и города Малороссіи, не преминули и Юриновки. Это было для нея послѣднимъ несчастіемъ.

Юриновка долгое время числилась въ Ямпольской сотнѣ, послѣ вошла въ составъ Воронежской, далѣе была въ Глуховскомъ повѣтѣ, а наконецъ вошла въ составъ Новгородсверскаго намѣстничества, съ переименованіемъ котораго въ губернію осталась въ Новгородсверскомъ уѣздѣ.

Въ Юриновкѣ до 1705 года не было дворянъ; но въ этомъ году, изъ Полтавской губерніи пришелъ войсковой товарищъ Цыганокъ (4) и построилъ за селомъ отдельный хуторъ съ мельницами, который и нынѣ называется Цыганковымъ. Впослѣдствіи, размножившіеся потомки Цыганковъ, такъ какъ они никогда не находились на службѣ, — были обращены въ податное состояніе.

До гетманства Мазеи, въ Юриновкѣ не было церкви, а только часовня, въ которой стравлялись одни молебны, похороны и панихиды. Юриновцы же считались прихожанами церкви, такъ-называемаго, Малаго Монастырька, который находился въ 6 верстахъ отъ Юриновки, близъ нынѣшней деревни Фе-

(3) Рукопись помѣщика Якова Заборовскаго, писанная въ 1667 году.

(4) Изъ свидѣтельства потомковъ его — Цыганковъ и ихъ дворянскихъ грамотъ.

офиловки (5). Когда Петръ I повелѣлъ Юриновку обратитьъ въ казну и закрыть многія мѣстные монастырскія церкви, тогда церковь *Монастырекъ*, иждивеніемъ Мазепы, была перенесена въ Юриновку, а монашествующіе переведены въ Новгородсверскій Спасо-Преображенскій монастырь. Съ этого-то времени деревня *Юріевка* стала называться селомъ *Юриновкою*. Первымъ священникомъ въ Юриновкѣ былъ Елеазаръ Богуславскій, получившій свою фамилію отъ Богуславца, въ которомъ онъ прежде жилъ. Въ 1781 году, когда храмъ Юриновскій оказался тѣснымъ для помѣщенія молящихся, то, вслѣдствіе ходатайства священника Афанасія Богуславскаго, былъ расширенъ, т. е. къ нему были пристроены съ трехъ сторонъ придѣлы; иконостасъ же остался прежній. Но въ 1805 году, усердіемъ прихожанъ и дѣятельностію мѣстнаго священника Іосифа Богуславскаго, сооруженъ новый -- въ византійскомъ вкусѣ. Живопись на этомъ иконостасѣ обращаетъ на себя вниманіе многихъ цѣнителей изящнаго и служитъ даже образцомъ при изображеніи нѣкоторыхъ угодниковъ. Въ 1844 году, старая колокольня, построенная Мазецою, была разобрана, а на мѣсть ея, неусышными трудами священника Онисима Красовскаго и иждивеніемъ прихожанъ, сооружена другая. Въ 1853 году, въ бытность священника Іоанна Базилевича, церковь и колокольня ошелеваны и вновь окрашены.

Церковь Юриновская, кромѣ вкладовъ, полученныхъ отъ Мазепы и другихъ лицъ, обогащена и украшена усердіемъ своихъ прихожанъ, и особенно казеннаго крестьянина Федота Косьяна, который купилъ плащаницу въ 200 руб. сер., малое евангеліе въ бархатной политурѣ, по угламъ и по срединѣ обложенное серебромъ съ позолотою, — серебряный, въ  $\frac{1}{2}$  аршина, престольный крестъ, всеощникъ, большое нарядное паникадило, парчевую богатую ризу съ бо-

(5) Деревня эта получила названіе отъ монаха Феофила, основателя ея и начальника того монастыря.

гатымъ къ ней подризникомъ, и многое другое, чего прежде не было. Марко Шерешеревичъ сдѣлалъ кѣ-отъ для иконы Святителя Митрофана, день котораго Юриновцы, съ 1848 года, начали чтить и праздновать наравнѣ съ престольнымъ днемъ. Изъ старинныхъ вещей, обращающихъ на себя болѣе вниманія, замѣчательны: евангеліе большого размѣра, въ малиноваго цвѣта бархатныхъ, обложенныхъ золотомъ, политурахъ, и съ подписомъ Епископа Лазаря Барановича, — гробница, подаренная гетманомъ Скоропадскимъ, плащаница, по преданію, подаренная Мазепою, золотая чаша съ надписью: *Петръ I-й*, паникадило, полученное отъ Екатерины II-й, и многія другія вещи, оставшіяся отъ монаховъ; а особенно книги, какъ то: служебникъ, часословъ, акафистникъ и минеи, кои завѣрены собственноручнымъ подписомъ епископа Углицкаго, бывшаго тогда Архимандритомъ.

Въ Юриновкѣ и окрестностяхъ ея находится довольно много замѣчательныхъ мѣстъ, освященныхъ временемъ — такъ: много кургановъ, кои служили первымъ обитателямъ Юриновки защитою отъ враговъ, могила какого-то Польскаго полковника, убитаго при разореніи Юриновки, два колодезя, гдѣ были винокурни монастырскія, мостъ *генецкій*, гдѣ была прежде монастырская мельница, нѣсколько холмовъ, насыпанныхъ какимъ-то разбойникомъ Кудаяромъ, и большая насыпь, болѣе похожая на гору, чѣмъ на могилу, — жены этаго разбойника Кудаяра.

### III.

## ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ.

### 1. Наружность поселянъ. Иравы. Образованность

Относительно наружности Юриновскихъ поселянъ, можно сказать, что они отличаются смуглымъ цвѣтомъ лица, носъ имѣютъ нѣсколько вздернутый къверху; носятъ окладистую и густую бороду; ро-

сту довольно высокаго; замѣчательны важною походкою, быстротою и легкостію движеній.

Юриновцы преданы престолу и его властямъ; они поклонники старины. Юриновець почти всегда говоритъ такъ: „батцка наш такечки дилав, и нам вяльв!“

Доказательствомъ особенной религіозности Юриновцевъ можетъ служить то, что они изъ среды себя установили особую комисію, главная обязанность которой заключается въ наблюденіи, чтобы народъ Юриновскій въ праздничные и воскресные дни не работаль и вель себя благопристойно. Если же кто бываетъ замѣченъ въ нарушеніи этихъ постановленій, то комисія немедленно штрафуетъ его деньгами, которыя обращаются въ пользу церкви.

Хотя Юриновцы, кажется, больше другихъ окрестныхъ поселенъ отличаются умственными способностями и смѣлвостію; но, не смотря на это, не образованы и суевѣрны. Разуверить Юриновца въ томъ, въ чемъ онъ убѣжденъ отъ колыбели, нѣтъ никакой возможности. Случается, что Юриновець и замолчить, и будетъ охотно васъ слушать; но никогда не согласится съ вами, и послѣ, въ отсутствіи васъ, осудитъ такъ: „Э! сійи письменные угору деруцце, а пуд носом ничого не бачать!“ Грамотность имъ совершенно чужда, — и до нынѣ, за исключеніемъ служителей церкви и сельскаго писаря, въ цѣломъ селѣ нѣтъ ни одного грамотнаго. Впрочемъ, въ 1854 году, благодаря мѣстному священнику Гавріилу Пересвѣтову, нѣкоторые изъ крестьянъ, хотя много подумавъ и неохотно, — рѣшились отдать своихъ дѣтей въ науку, которую послѣднія и продолжаютъ съ успѣхомъ, подъ руководствомъ того же самаго священника.

Юриновка, какъ по мѣстоположенію, такъ и по характеру жителей, раздѣляется на двѣ части: на Гордіенкову и Бураковскую. Обѣ эти партіи, какъ будто враждуютъ между собою, и весьма часто можно услышать: „щó ты? — я Гордіенець! — Гордіенцов



слухай!..“ И действительно, Гордіенцы держатъ въ какомъ-то подчиненіи Бураковцевъ. Изъ Гордіенцевъ почти всегда избираются сельскія старшины, и Гордіенецъ имѣетъ больше вѣса въ обществѣ, нежели Бураковецъ. Думаю, что первые какими нибудь заслугами издревле пріобрѣли себѣ такое предпочтеніе предъ послѣдними.

## 2. Языкъ.

Говоръ Юриновцевъ особенно отличенъ въ своемъ словосочиненіи и носитъ особенный характеръ. Его трудно опредѣлить съ точностію: есть слова и выраженія чисто Русскія, Бѣлорусскія, Малороссійскія, Польскія и многія другія; каковы наиримѣрь: трактовать—разсуждать, кватырка или болонка—шибка въ окнѣ (коихъ почти всегда бываетъ четыре), турбовать—безпокоить, снесъ—гордость, снечія—составъ изъ разныхъ веществъ, лементовать—громко кричать, колирь—сортъ, мовить—говорить, мавляв—сказаль, каврига—цѣлый хлѣбъ, бохан и кулитка—тоже, луста—кусочъ хлѣба, махотачка—маленькій горшокъ, авсяник—конь, куръть—шибко бѣжать, пендриться—надуваться, ну-бо—полно, вѣдать—знать, як—какъ, гладышка и глек—кувшинъ, пастаялка—кислое молоко, мѣхабродзина—сметана, певне—вѣрно, и т. п. Это смѣшеніе въ говоръ происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что Юриновка находится въ мѣстности между Бѣлоруссіею и Малороссіею.

## 3. Домашній бытъ.

Жилища богатыхъ Юриновцевъ состоятъ изъ свитлицы, т. е. опрятной комнаты для гостей, *пикарни* и нѣсколькихъ *каморъ* или амбаровъ. Всѣ они строятся, большею частію, изъ обыкновенной сосны, трилиственницы, березы, дуба и рѣдко изъ осины. Весь домъ обносятъ осиновымъ заборомъ, который вокругъ накрываютъ *повѣтьми*, такъ что жилища ха-

ты остаются въ срединѣ, и нѣтъ ни одного двора, въ которомъ хата выдавалась окнами бы на улицу. Для складки хлѣба, привозимаго съ поля, строятъ гумна съ овинами за селомъ, на поля. Тамъ у иныхъ бывають и амбары, какъ для складки отори (6) и половы, такъ и для омолоченнаго уже жита. — Бѣдные тоже имѣють подобныя жилища, только съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, именно: не устраивають свитлицъ, а ограничиваються одною кухнею. — Юриновцы ни какой постройки не дѣлають изъ лозы; а по обилію льсовъ, все строятъ изъ хорошаго дерева. Всякая же лозовая постройка производитъ здѣсь удивленіе и порицается. — Внутреннее расположеніе комнатъ Юриновцевъ бываетъ у всѣхъ однообразно, именно: вдоль стѣнъ, вмѣсто стульевъ, придѣланы большія доски, называемыя *лавками*, или ставятся большіе широкіе *услоны*; по прямой линіи отъ входа, въ углу, на полъ, называемой *бажница*, стоятъ иконы, покрытыя вышитымъ заплочью утиральникомъ; въ другомъ углу, между печью и стѣною, находится широкая примостка изъ нѣсколькихъ досокъ, называемая *поломъ*; на этомъ *полу* постель; а надъ нимъ, близъ потолка, устраиваються палаты, служащія для отдыха въ зимнее время. Близъ порога находится большой ящикъ съ крышкой, а надъ нимъ нѣсколько полокъ съ домашнею посудой. Ящикъ называется *судникомъ*, а полки — *поллицею*; судникъ предназначается для храненія дневной пищи хозяевъ, или для курей, когда онѣ несутъ яйца.

#### б. Одежда.

Лѣтняя одежда Юриновскихъ мужчинъ заключается въ *свиткъ*, сшитой — у бѣднаго изъ бѣлаго, а у богатаго изъ сѣраго сукна, обложенной тесьмою, — коротенькой *юпкѣ*, шерстяномъ *еламкѣ*, т. е. шапкѣ, валеной изъ шерсти, — и лаптяхъ, называемыхъ *щер-*

(6) Оторею называются отдѣлившіеся отъ сноповъ колосья. Ими кормятъ лошадей.

*баками*; богатые же носят сапоги — *гоботы*. Зимній нарядъ почти такой же, какъ и лѣтній, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто еламка, надѣваютъ баранковую шапку съ ушами, — вмѣсто щербаковъ — лапти, извѣстныя подъ названіемъ *московцевъ*; *кажухъ* бараній и изъ толстаго домашняго сукна *штаны*. Женщины носятъ чепецъ съ парчевою верхушкою — *огипокъ*, — *сороку*, тоже чепецъ, только изъ домашняго холста или ситцу, — *намитку* изъ широковытканнаго полотна, очень жидкаго и тонкаго, въ родъ кисеи, съ красными и голубыми каймами, по концамъ; одной половиной этой намитки обвязывается голова, а другая, длинная, спускается отъ затылка чрезъ спину, даже ниже стана. Намитка бываетъ длиною до двухъ и больше сажений; — *юпка*, сшитая изъ китайки, ситцу или изъ домашняго сукна; *свита*, такая же какъ и у мужчинъ, только боковыя фалды бываютъ обшиты краснымъ или синимъ шнуркомъ; *кажухъ* съ воротникомъ и съ обшитыми, какъ и у свиты, фалдами; наконецъ: *плахта*, *сподница* и *запаска*. Костюмъ дѣвушекъ состоитъ изъ рубахи съ вышитыми *запалагью* рукавами и подоломъ, — синей или красной *кумаковой* *запаски*, красной кляччистой *плахты*, рѣдко *сподницы* (7), *юпка* безъ рукавовъ, чтобы были видны шитые рукава рубахи; *пангохи* или шерстяные чулки, и *геривики*, т. е. башмаки. Головной уборъ: платокъ, завязанный такъ, чтобы верхушка головы была открыта, — разноцвѣтныя ленты и цвѣты — искусственные или натуральные, смотря по времени года. Коса у Юриновскихъ дѣвушекъ, съ приплетенными на концѣ лентами, выпускается наружу и виситъ на спинѣ; замужнія же женщины, напротивъ того, тщательно прячутъ свои волосы подъ *очипокъ*, и неисполненіе этаго считается очень неблагопристойнымъ. Шею Юриновскія дѣвушки украшаютъ *намистами* (монистами) и

(7) Плахта и сподница у Юриновскихъ дѣвушекъ всегда бываютъ нѣсколько приподняты вверхъ, для того, чтобы былъ виденъ вышитый заполочью подолъ рубахи.

множеством *лигмановъ*, т. е. круглыхъ, большихъ иконокъ, а пальцы—перстнями, называемыми *каблужки*. Некрасивыя дѣвушки, желая заинтересовать собою парубковъ, натираютъ свои щеки *надошникомъ* (8), отъ чего лицо ихъ получаетъ сильный румянецъ. Въ случаѣ же неуспѣха, выкапываютъ корень растенія, извѣстнаго въ Юриновкѣ подъ названіемъ *любки*, или берутъ листь растенія *слезки*,—настаиваютъ въ водкѣ и даютъ пить парубку, въ полной увѣренности, что по принятіи этого настоя, парень начнетъ любить дѣву.—Дѣвушки Юриновскія, когда наряжаются то, вмѣсто мыла, льгомъ употребляютъ хрѣновые листья, а зимою—ржаные отруба; вмѣсто зеркала, глядятся въ воду.

#### в. Пища.

Пища Юриновцевъ почти ни чѣмъ не отличается отъ пищи, употребляемой вообще въ Малороссіи. *Борщъ* считается главнымъ повседневымъ блюдомъ поселнина, за тѣмъ *кулишь*, *размозня*, *каша крутая*, *затыраха*, *галушки*—ржаныя или гречневыя, *литовка*, *драгона*, *пряженя*, т. е. жаркое, *тушкованые зубы*, *лемышка*, *кулаза*, *блины*, *каравайцы*, *вареньки* изъ *жорды*, т. е. изъ толченыхъ и за тѣмъ отвареныхъ семянъ конопель, и т. под.; *колево* исключительно употребляется на похоронахъ.

### 4. Обычай и обряды (\*).

#### а) Родины и крестины.

При рожденіи младенца, если мать страдаетъ отъ родовъ и не разрѣшается, то развязываютъ отцу воротникъ рубахи (комниръ) и учкуръ, и въ такомъ положеніи онъ сидитъ предъ родильницею до тѣхъ поръ, пока она не разрѣшится; также отворяютъ дверки въ печахъ и окна...

(8) *Надошникъ* — растеніе, ягоды котораго употребляются дѣвушками.

(\*) Описывать обычай и обряды я буду только тѣ, кои болѣе или мене заслуживаютъ вниманія и разнятся отъ прочихъ поселнянъ.

Если у родителей умираютъ дѣти, то они берутъ въ кумы того, кто первый встрѣтится имъ при выхождѣ ихъ изъ двора, или тѣхъ, кто были воспріемниками у родителей новорожденнаго....—Когда дитя начнетъ подростать и немного смыслить,—тогда пѣстуньи поютъ имъ пѣсни такого содержанія:

Того добра годинка,  
В кого жонка Маринка;  
В кого жонки немає,  
Той по юлицам гуляе..  
Я пойду в лис по дрѣва;  
Моя жонка черноброва:  
Буду дрова рубать,  
Сваю жонку целовать.

---

Полюбила каваля,  
Да ѣ не доля моя:  
Я думала кучерявый,  
Аж и чуба нема!

Ой е трошки, да не кучери,  
А вже ж тые шолудывы да ѣ докучивы.  
Дѣвочки, галубочки, зложимось по шагу—  
Куплю кучери майму кавалю.

---

Полюбила панича  
Петра Йвановича,  
Да не знаю, що робить,  
Чи пакинуть, чи любить?  
Ой ни свиты, ни кажущки,—  
Не пристае вон да душки.

---

*б) День совершеннолѣтія дѣвицы.*

Совершеннолѣтіе дѣвицы празднуется такъ: къ такой дѣвушкѣ собираются родные и знакомые, поздравляютъ ее съ совершеннолѣтіемъ, ѣдятъ пироги, пьютъ водку, а послѣ выкидаютъ надъ домомъ бѣ-

лый флагъ—знакъ радости, или возятъ имяниницу на саночкахъ или въ корытѣ по селу, при чемъ скачутъ и кричатъ: *пасыла, пасыла!* После такого обнародованія совершеннолѣтїя дѣвушки, всякъ имѣетъ право сватать ее; до того же—никто.

в) *Сватъба.*

Сватъбы въ Юриновкѣ, какъ и вездѣ, совершаются всегда по предварительномъ объясненїи родителей посредствомъ сватовъ, посланныхъ отъ жениха къ невестѣ; сваты называются *старостами* — Изъ свадебныхъ обрядовъ въ Юриновкѣ замѣчательны слѣдующіе:

По изъявленїи невестою согласїа на бракъ, родители ея потчиваютъ сватовъ водкою и мѣняются съ ними хлѣбами. Между тѣмъ, невеста спѣшитъ къ подругамъ, и войдя въ домъ, ничего не говоря, кланяется имъ и всѣмъ тутъ находящимся три раза въ ноги и столько же разъ цалуетъ въ губы. Этимъ она даетъ знать, что уже засватана; тогда подружки отправляются къ ней въ дворъ, останавливаются около воротъ, или сѣней, и громко поютъ *змовныя* пѣсни такого содержанїа:

Да змовленная Настячка,  
Да й перейды сѣнци батькови,  
Да й падай свекорку вадици  
З халоднайи крыницы:  
Ся вадица дарага,  
Дароже меду и вина,  
Щоб моя невеста  
Пить падала.

---

Ой гороше, гороше,  
Сїяло тебе хороше—  
Й у лузи, при дарози,  
При ясному сонечку.  
Ой ты дивочка Варачка,

Змовлено тебе хороше—  
Що из родом, из родиною,  
При родному батеньку.  
Благослови мый татачку  
На пасадачку систы.  
—Бог благословить, доненьку,  
Бог благословить, ридная!—  
Ой гороше, гороше,  
Сіяло тебе хороше—  
Й у лузи, при дорози,  
При ясному сонечку.  
Ой ты дивочка Варачка,  
Змовлено тебе хороше—  
Ой при роду, при радинатци,  
Ой при родной матюнці.  
Благословилась Варачка  
В свого родного батячка.

За этимъ, по сватань, въ условленный день, въ домъ жениха собираются родные невесты, сваты и всь знакомые, — пьютъ водку, гуляютъ и, наконецъ, ѣдятъ сало, покрошенное на заслонкѣ, которою закрываютъ печь. Этотъ свадебный обрядъ называется: *пегазлодины*, и считается неперемѣннымъ: безъ него и сватъба не въ сватъбу. Но при этомъ могутъ присутствовать только одни женатые и замужнія; холостымъ же и дѣвушкамъ — считается неприличнымъ.

Наканунъ вѣнчальнаго дня бываетъ вечеръ у невесты, — *дѣвшникъ*; тогда продается жениху коса невесты. Это бываетъ такъ: родной братъ, или ближайшій холостой родственникъ невесты, становится за спиной или возлѣ невесты, держа въ рукахъ деревянную саблю, которою не допускаетъ жениха къ невестѣ, и проситъ, чтобы онъ далъ выкупъ за косу послѣдней. Если женихъ не даетъ денегъ, а силится забрать невесту даромъ, въ такомъ случаѣ получаетъ отъ стража удары саблею, и за тѣмъ даетъ выкупъ. — Близъ полуночи, всь садятся за столъ. Хо-

зайка ставить на столъ жареную капусту и громко кричить: *льжте капусту! послъ капусты не буде капусты!* Между тѣмъ, дружки и свахи поютъ:

Через сад гуска лѣтъла,  
З перцем капуста кипѣла;  
Бояре не въдали—  
Капусту объдали.  
Собаки зайца гамили,  
Хвост в капусту вмачили;  
Бояре не въдали—  
Капусту объдали.

Послъ капусты, хозяйка подаетъ галушки, и опять возглашаетъ: *льжте галушки! послъ галушок не буде галушок!* И такимъ образомъ приговариваетъ за каждымъ кушаньемъ.

Молодые отличаются отъ прочихъ нарядомъ, — именно: женихъ имѣетъ на шапку бантъ изъ красной ленты, а невеста — распущенную косу, со множествомъ лентъ, приколотыхъ къ головѣ. Послъ вѣнца, женихъ и невеста три раза кланяются каждому встреченному въ ноги и столько же разъ целуютъ его въ губы.

На слѣдующій по бракосочетаніи день, вся свадебная процессія съ пряникомъ и съ музыкой (9) идетъ къ священнику, который правитъ благодарственный молебенъ.

### г) Похороны.

Обряды при похоронахъ въ Юриновкѣ отличаются отъ обрядовъ поселянъ другихъ мѣстъ только тѣмъ, что въ гробъ кладутъ шапку умершаго; а если умершій былъ старшиною или какимъ либо сель-

(9) Не лишнимъ считаю замѣтить, что Юриновка въ околѣдкѣ славится музыкантами. Въ настоящее время искуснѣйшимъ музыкантомъ слыветъ Грицько Цыганокъ. Жители не только окрестныхъ, но даже и очень отдаленныхъ мѣстъ, на свадьбу всегда просятъ музыку Юриновскую, — и гдѣ не было Юриновской музыки, тамъ, говорятъ, и свадьба была не весела.



скимъ урядникомъ, — то и палку... Если въ семействѣ часто умираютъ, въ такомъ случаѣ просятъ священника хоронить покойника съ покрываломъ. Въ продолженіи шести недѣль въ комнату умершаго, подь образами, стоитъ вода, соль и колево.

д) *Посѣвъ, зажинки и обжинки,*

Не всякій изъ поселянъ Юриновскихъ имѣетъ право первый начинать посѣвъ; но только тотъ, кому опредѣлитъ общество, избирающее для этого всегда людей зажиточныхъ и добродѣтельныхъ. Поселянинъ, удостоенный такой чести отъ общества, беретъ въ Спасовъ день коробку жита, несетъ въ церковь, гдѣ жито освящается священникомъ, а послѣ этимъ святымъ житомъ, въ назначенный обществомъ день, напутствуемый благословеніемъ священника, съ крестнымъ знаменіемъ, выступая непременно правой ногой впередъ, — начинаетъ посѣвъ. Тотъ, кто, недождавшись всего этого, осмѣлится начать посѣвъ, штрафуется.

Когда поспѣетъ жито, тогда старшій въ домѣ идетъ въ поле и начинаетъ жать свой хлѣбъ; нажавши одинъ снопъ, возвращается съ нимъ домой и ставитъ жито подь иконами. Этотъ снопъ хранится, какъ заветный. Этимъ житомъ начинаютъ молотьбу и посѣвъ. Жниво — труднѣйшая работа въ кругу занятій поселянъ, какъ по времени, такъ и потому, что жнуть жито или *съ копы* или за деньги; даромъ же никогда; вообще, съѣмка хлѣба съ полей стоитъ хозяину очень дорого.

Когда сожнется весь хлѣбъ извѣстнаго хозяина, тогда жнецы дѣлаютъ изъ колосьевъ крестъ или вѣнокъ, и при этомъ поютъ:

Съдигь ворон на капъ,  
Дивуетця барадъ:  
Дивно мини  
З сей барады!

Ой чіе ж то жито в поли  
Зашумѣло стоя?  
Иванове жито в поли  
Зашумѣло стоя.

Дивно минни  
З сей барады (10)!

Єкимове поле  
Зазвинило стоя.

Дивно...

Ой чія ж то барада  
Соломою обвита,  
Водицею облита?

Дивно...

Иванова барада  
Соломою обвита  
И водицей облита.  
Єкімова барада  
Шовком, златом обвита,  
Медом, вином облита.

При этомъ жнецы начинаютъ пить водку и  
обригиваютъ ея вѣнокъ; за тѣмъ продолжаютъ  
пѣть:

Оце тобі барада  
Хлиб, сіль и вода.  
Ой чіе ж то женцы,  
Да всё шалудивци?  
Иванови женцы  
Да всё шалудивци, —  
Жита не пажали,  
Серпы паламали;  
Єкімови женцы,  
Да все чернобривци, —  
Жито пажали,  
Серпов не ламали:  
Таки сваму пану  
Слави даказали.

---

(10) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ куплетомъ.

Когда отдылають вѣнокъ, то, съ приличными этому случаю пѣснями, а часто и съ пляскою, возвращаются домой; пѣсни всегда поютъ такого содержания:

Наша пани дома,  
Вечеря готова.  
Ой чуй пани, чуй,  
Вечерю готуй.  
Ой як готовенька,  
Сѣди веселенька,  
Ножки пудобгавши,  
Да й насъ дожидавши.  
Як же не готова,  
Дак не сѣди дома:  
Атчиняй варатà,  
Да бѣжи в балатà.

Жнецы, не входя въ домъ, выпрашиваютъ пѣснями за ворота хозяина или хозяйку, которые немедленно выходятъ, поздравляютъ жнецовъ съ окончаніемъ жатвы, и всѣ вмѣстѣ отправляются съ вѣнкомъ въ церковь, гдѣ, положивъ вѣнокъ на столъ, слушаютъ благодарственный молебенъ, по окончаніи котораго, священникъ вручаетъ вѣнокъ хозяину; хозяинъ, приподнявъ его вверхъ, возвращается съ нимъ домой, какъ съ знаменіемъ окончанія жнивныхъ работъ. Жнецы же идутъ вслѣдъ за хозяиномъ тихо, съ благоговѣніемъ. Въ эту минуту всякая веселая выходка заслуживаетъ порицанія, какъ нарушеніе святаго обыкновенія. По приходѣ къ дому, на порогъ, т. е. на дверяхъ хаты, жнецы начинаютъ пѣть:

Ой як женцы на порог,  
Наша пани за пирог:  
Льнилися жать,  
Лажитесь спать.  
— Панейку, не льнились,  
Цатамились. —

Ой як женцы за лѡжки,  
Наша пани в ладошки:  
Льнилися жать,  
Не дам вечерять.  
Наша пани высакà,  
Зарьзала гусака:  
Сама не ѡстць,  
И нам не даець.

Хозяинъ начинаетъ угощать своихъ жнецовъ всѣмъ, чѣмъ богатъ, и непременно *пирогами* и *лемишкою*,—что служитъ непременно и главною принадлежностью *обжинокъ*; у кого же нѣтъ пироговъ и лемишки на обжинкахъ, того осуждаютъ, и на слѣдующій годъ не идутъ къ нему жать. Послѣ этой вечери, дѣвушки до самаго почти свѣта *лузаютъ насинне*, а пожилые продолжаютъ попойку, сопровождаемую пляскою и пѣснями. На этотъ пиръ могутъ идти всѣ безъ изъятія—знакомые и незнакомые: хозяинъ угощаетъ всѣхъ радушно.

е) *Косовица.*

Начинать первымъ косить траву имѣютъ право всѣ безъ исключенія. Траву у насъ, въ Юриновкѣ, начинаютъ обыкновенно косить со дня Петра и Павла. Косятъ не за деньги, а за водку и хорошую пищу,—это называется: *косить талокою*. Если хозяинъ не угоститъ косарей, т. е. не напоитъ ихъ хорошенько водкою, то въ другой разъ ни какими просьбами не уговорить уже Юриновца косить сѣно. На слѣдующій день послѣ косовицы, косившіе въ первый день, косари приходятъ опять къ хозяину *топить косъ*,—т. е. хозяинъ опять долженъ потчивать ихъ водкою. Словомъ, косовица для гулякъ въ Юриновкѣ есть самое вождеденное время.

ж) *Бабскія косовицы.*

Къ числу обычаевъ поселянъ села Юриновки должно отнести и такъ называемыя *бабскія косовицы*,

или день стрижки овецъ; онъ проводится такъ: известная хозяйка оставляетъ въ дворъ своихъ овецъ, моетъ ихъ; за тѣмъ, съ посторонними, приглашенными ею на этотъ случай, женщинами начинаетъ стричь овецъ. По окончаніи стрижки, хозяйка дома и овецъ, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ помощницъ, спѣшитъ въ шинокъ, гдѣ и начинаютъ пировать, а послѣ съ пляскою и пѣснями, возвращаются домой и дома опять пьютъ и закусываютъ. Такія празднества бывають два раза въ годъ—весной и въ августъ; на этомъ гуляньѣ имѣють право присутствовать однѣ только женщины и то замужнія, отъ чего празднества эти и называются *бабскими косовицами*.

з) *Святки и вегерницы*.

На канунъ Рождества Христова, вечеромъ, дѣвушки и парубки ходятъ колядовать, при чемъ поютъ:

Що Сус Христос народився  
На всемъ свѣту объявився, *и пров.*  
Да бувай же здоров  
У домочку,  
З своїми дѣтками  
У раіочку.

На первый день праздника хозяева и хозяйки Юриновскіе разговляются, обыкновенно, чтобы не испортить желудка, вчерашнею постною пищею; за тѣмъ, отдохнувъ, предъ вечеромъ, идутъ съ поздравленіемъ къ священнику; а послѣ начинаютъ поздравлять съ праздникомъ другъ друга; при чемъ бываетъ попойка. Это продолжается въ теченіе цѣлыхъ святокъ.

Между тѣмъ, какъ старики продолжаютъ поздравлять одинъ другаго, ихъ дѣти, т. е. *хлопци* и *дивгата*, спѣшатъ раздѣлить вмѣстѣ свою радость на *вегерницахъ*. Для этого избирають одинъ домъ, обыкновенно какой либо бѣдной поселянки, и назначаютъ

его сборнымъ пунктомъ вечерницъ, а хозяйку дома именуютъ своею *маткою*; ей уже поручаютъ все, что хлопцы и дивчата добудутъ, а она, какъ мать, изъ доставленныхъ припасовъ, обязана приготовить закуску для этого собранія. Дѣвушкамъ вмѣняется въ обязанность доставлять — орѣхи, мясо, сало, колбасы, муку разныхъ сортовъ, и т. под., а парубкамъ — водку и музыку. Парубки не имѣютъ права приходить на чужія вечерницы; въ противномъ случаѣ, изъ за-этого бывають ссоры. На вечерницахъ дѣвушки поють пѣсни такого содержанія:

Хадзив добрый маладец  
 Па крутой гарь,  
 Разчосавав кудзерки  
 З буйнай галави.  
 Забравши абчосачки,  
 На рѣчку пусцив:  
 Плывиця абчосачки  
 Я в доль по рѣць.  
 Я в доль по рѣць,  
 Па правай руць.  
 Здэсьсь мая мила  
 Вадзицу брала,  
 Кудзерки знаймала.  
 Кудзярки майи,  
 Спрасиця в яйи:  
 Ци тужиць па мни?  
 — Пущай па іомъ тужиц  
 Агонь да вада,  
 А не я малада;

Як іон нада мной надругався:  
 Кацив бъл-гарючь камень через мой живот,  
 Разкладавав агонюшек на моей зпинь,  
 Выризав тросточку з майих бълых рук,  
 Привязав канишеньку ик русай кась. —  
 Милая мая! неправда твоя:  
 Кацив бъл-гарючь камень з горы пад гару,  
 Раскладавав агонюшек я в щирам бару,

Выризав я тросточку калинову́ю,  
Привязав канишеньку к березаньки.

---

Свѣти зоре на все поле,  
Закиль мисяц зыйде,  
Закиль до мене миленьки  
Вечеряти прійде.  
Ой чи прійде, чи не прійде  
На вечерю ту́ю,  
А я ему ранесенько  
Снидаты зготую.  
Цвилы лозы при дорози  
Синесеньким цвитом;  
Ишов казак из юлицы  
Билесеньким свитом.  
Не жаль тому казаченьку  
Паснидати дати,  
Що вин иде из юлицы,  
Як стане свитати.

---

Угароди верба, — парубав-же-б я;  
А в сусида дивчина, — западабав же-б я,  
Западабав-же-б я, — минни род не велить,  
Минни род не велить тайи дивки любить;  
Як пабачу — заплачу и серденько забалить.

---

Туман, туман по синяму морю,  
Туман залегае,  
За туманом ясного сонечка,  
Сонечка не выдно;  
Тольки выдно зеленого дуба,  
Дуба верховину;  
Щуд тым дубом красна дивчина  
З маладцом стаяла,  
Вана свайи рѣчи *секретны*  
З нимъ размавляла:

Не женись парень-паренючек  
Хоть ище гадочек.  
Не паслухав . . . . . парень  
Да взяв—аженився,  
Да не взяв тайи краснайи дѣвицы,  
Да взяв удовушку;  
А в'довушки два наровушки,  
Ой да не дивочи!  
Удовушка пастель бѣлу слала,  
Слала-выстилала,  
Вона свого перша мужа,  
Мужа зпаминала:  
Як був в мене первый дружок,  
Мой дружок миленькій,  
Вон минн рѣчи размавляє,  
Вѣрно все вѣрненько;  
Як возьме за бѣлу руку  
Все злегенько.

---

Ой по горам, по долинам  
Сиз галубаньку лѣтае,  
Собы параньки шукае,  
Товарища выкликае:  
Товарищу, ридный братик,  
Виклич минн дивку з хаты,  
Я щось маю попытаты,  
Чи не била яйи мати?  
Ой хоть била, хоть не била,  
Да ледащому не вчила,  
Щоб з ледащим не стояла,  
Яму правды не казала.

---

Вечерниці эти продолжаютя и послѣ святокъ, съ тѣмъ только различіемъ, что тогда каждая дѣвушка приходитъ на вечерниці съ работою,—хотя впрочемъ съ появленіемъ парубковъ онѣ откладываютъ ее до слѣдующаго дня, и начинаютъ *жартовать*; а послѣ вмѣстѣ ужинаютъ.



На канунъ Нового года двѣ девушки щедруютъ; а парубки одному изъ среды себя надѣвають, мѣхомъ наружу, козій кожухъ, придѣлываютъ рога и хвостъ, и за веревочку водятъ наряженнаго по домамъ; это называется—*казу водить*. Когда придутъ куда нибудь въ хату, то парубокъ, наряженный козою, начинаетъ скакать, а прочіе поютъ:

Го, го, го, каза!  
Го, го, го, сѣра!  
Аказилася,  
Павалылася.  
На гарь каза  
З казенятами,  
Пад гарою вовк  
З вавченятами.  
Да прибѣг вовчок,  
За казу чок-чок,  
А вавчинята—  
За казинята.  
Прибѣг и заяц,  
Став казу лаяц:  
Дурная каза,  
Неразумная,  
Свайим дитонькам  
Не господиня:  
Вхватила б сѣрпок,  
Побѣгла б в лѣсок,  
Нажала б травы  
З авсяный снапок;  
Свайих дѣточек  
Пагадавала б,  
Раньнею расой  
Панапавала б.  
Де каза ходит,  
Там жито родит,  
Йдѣ не буває,  
Там вылегае;  
Де каза рогаи,

Там жито стогаи;  
Йдъ каза туп-туп,  
Там жита сим куп.  
Не хады каза  
Пуд тее сельцо,  
Пуд Юринавку;  
А в Юринавци  
Вси люде стрьльци.  
Я не баюся,  
Тых людей стрьльцовъ,  
Тилька ж баюся  
Стараго дида.  
Що в того дида  
Барада сида.  
Устрьлив казу  
Пуд праве ребро:  
Пуць—каза впала,  
Пуць—и прапала...

При этомъ коза падаетъ и представляется мертвою; а парубки поють:

Наша козанька  
Пуд сѣни впала,  
Нежива стала.  
Ты миханоша  
Дми казь в рыла:  
Надмися жила  
Будь каза жива.

Въ это время одинъ изъ пѣвцовъ, называемый *миханоша* (11), подходитъ къ козѣ, дуеть ей въ морду, послѣ чего коза живо вскакиваетъ и начинаетъ плясать; а прочіе продолжаютъ:

Да встав наш казел (?),  
Да й наноженьках,

---

(11) Миханошею называется тотъ, кто носитъ мѣшокъ для храненія въ немъ того, чѣмъ хозяева награждать парубковъ за козу.

Дай на роженьках,  
Да й накапиточках,  
Да й на залатеньких;  
Да пабыг наш казел,  
Да й рикаючи,  
Да шубаючи  
Караля в поли,  
Господара въ доми:  
Щоб сему каралю  
И каровки булы  
Малочлывые,  
Неурочлывые;  
Ячминь самосый,  
Сачевица-стручевица,  
И гарох-вели-грох.  
Ой ты козанька развеселися,  
Старшему пану в ноги вклонися.

Тогда коза подходитъ къ старшему въ домъ и кланяется ему. Хозяинъ или хозяйка обязаны дать миханошь за козу кусокъ сала, пирогъ и нѣсколько денегъ, — что парубки впоследствии дѣлятъ между собою поровну.

Парубки, за исключеніемъ козы, еще щедруютъ:

Я хадыв, я блудыв  
Да па новых гарадах.  
Свят вечер,  
Щедрый вечер,  
Добрым людям  
На здаровье (12)!

Я шукав, я питав  
Каралевого двара.  
Гаспадара двор  
На трох стовпах,  
На чetyрох городах.

---

(12) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ куплетомъ.

Да бувай же здоров  
Пане господарю у дамочку,  
З сваєю женою,  
Из дитками у раіочку:  
Що ясный мисяц,  
Дак то сам господар;  
Для мисяца зорушка,  
Дак то іого жонушка;  
А дрибные звѣздочки,  
Дак то іого диточки.  
Да бувай же здоров  
Пану господарю.

Свят вечор!

Дай пирог.

Ой як даси пирог,  
Памилуе тебе Бог;  
Як не даси пирага,  
Возмем вола за рага,  
Да й поведем на мурог,  
Да й собьем правый рог;  
Волом будем робити,  
А в рог будем трубити.  
Як не дасте сала,  
Щоберемо сани:  
Будите виляти,  
Не в що запрягати, —  
Треба сала дати.  
Як не дасте капѣйки,  
Дак паберемо дѣвки:  
Будите виляти,  
Нѣким замышляти, —  
Треба капѣйку дати.  
Як не дасте палушки,  
Паберемо падушки:  
Будите виляти,  
Що не на чем спати, —  
Треба палушку дати.  
Мы ж тебе гаспдарю  
Не зневажаем,

Святым Васильем  
Паздаравляем.

Дѣвушки тоже ходятъ на *щедрую кутью* щедровать подь окнами; онѣ поютъ:

У пана Йвана  
На його дварь.  
Святый вечер,  
Щедрый вечер,  
Добрымъ людям  
На здаровье (13)!  
Стайит колодезь  
Повен з вадою,  
Да все з святою . . .

. . . . .  
Будем за тебе Бога прасити,  
А за пана Йвана службу служити:  
Перву службу на святе Раждтво,  
Другу службу на святаго Василья,  
Третюю службу на святе Крещенне.

Да бувай же здаров, пане Йване,  
Не сам з сабою,  
З своею женою,  
З дѣточками.  
Мы ж тебе Йване  
Не зневажаем,  
Святымъ Васильем  
Паздаравляем.

Послѣ ужина, дѣвицы и парубки гадаютъ, — обыкновенно о томъ, кто, когда, куда и за каго пойдетъ замужъ: бросаютъ башмакъ черезъ голову, — и въ какую сторону онъ упадетъ носкомъ, въ той сторонѣ и быть дѣвушкѣ замужемъ; или ходятъ подь окна чужой хаты и слушаютъ, что тамъ говорятъ, — если скажутъ *ступай*, значитъ дѣвица скоро выйдетъ замужъ, если — *сиди*, — то на оборотъ; или спрашиваютъ встречнаго, какъ его имя, въ убѣжденіи,

(13) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ куплетомъ.

что имя встрѣченнаго будетъ именемъ жениха; ходятъ къ рубленнымъ дровамъ и однимъ разомъ, зажмуривъ глаза, берутъ ихъ, а послѣ считаютъ: если число полнѣе четное, то значить въ этомъ году дѣвушка выйдетъ замужъ; также слушаютъ, гдѣ лаютъ собаки, — значить въ той сторонѣ будетъ дѣвица и въ замужествѣ. Каждая дѣвушка беретъ по пѣвню, и всѣ разомъ пускаютъ къ посыпанному на полу зерну: чей пѣвень начнетъ первый ѣсть зерно и бить прочихъ, мужъ той дѣвушки, значить, будетъ забіяка; еще топятъ воскъ и пускаютъ на воду; наконецъ, мостятъ мостики надъ миской съ водою и ставятъ подъ кровать, въ головахъ, — и если что приснится, такъ тому и быть, и т. под.

По утру, на Новый годъ, малютки ходятъ *засвѣать* и поздравлять съ праздникомъ всѣхъ поселянъ, при чемъ обыкновенно говорятъ:

Я маленькій хлопчик  
Излѣз на стовпчик,  
У дудочку йграю,  
. . . . . забавляю.

---

Я панначка маленька.  
В мене платьечко ребеньке.  
Башмачки карковы.  
Будте с праздничком здаровы!

Послѣ обѣда, всѣ хозяева, подобно тому, какъ и въ первый день праздника, приходятъ къ священнику *зъ ральцомъ*, т. е. съ поздравленіемъ... Съ ральцомъ къ священнику Юриновскіе поселяне ходятъ только три раза въ годъ: на Рождество, Новый годъ и Воскресеніе Христово.

*и) Зеленая недѣля и русалки.*

Въ продолженіе *зеленой недѣли* жители Юриновки не работаютъ, а завиваютъ вѣнки и *прогоняютъ русалокъ*, т. е. ходятъ въ лѣсъ и готовятъ тамъ

различныя кушанья, а наиболее яичницу, и пьютъ водку. Дѣвушки въ эту недѣлю поютъ пѣсни исключительно такого содержанія:

Правадили русалачки, правадили,  
Щоб ваны да нас не хадыли,  
Да нашего житечка не ламили,  
Да наших дивачек не лавили.

---

Перед варатьми далина.  
Ой рано, рано, далина!  
А в той далини калина.  
Ой рано, рано, калина!  
Ой там Ганначка гуляла,  
Жемчуг-намисты абарвала.  
Ой рано, рано, абарвала!  
Ой туды йихав нелюбый,  
Став з коника зльзати.  
Ой рано, рано, зльзати!  
Жемчуг-намисты збирати.  
Не зсѣдай нелюбый з коника:  
Не з тобою гуляла,  
Намисты парвала.  
Ой рано, рано, намисты парвала!  
Ой туды йихав миленькій,  
Став з коника зльзати!  
Ой рано, рано, зльзати!  
Намисты збирати.  
Збирай миленькій:  
З тобою я гуляла,  
Дараги намисты парвала.

---

Рано, рано, зыду я на гору,  
Да вдару въ ладони.  
Рано, рано!  
Щоб ладони щимели,  
Щоб персни звинели.  
Рано, рано!

У мене ладони отецкіе,  
У мене персни маладецькіе.  
Рано, рано!  
Се ж минн атец пакупивъ,  
Щоб мене маладец палюбив.  
Рано, рано!  
Зиду я на гору,  
Глянуп я пуд гору.  
Рано, рано!  
Аж красочки грают.  
Не грайте красочки,  
Не грайте, завянте.  
Рано, рано!  
Минн в батька не жити,  
Минн вѣночков не вити.  
Рано, рано!  
Шо й один була звнла,  
И того не знала,—  
Павеснла, нзсушнла,  
Да батенька разжалила.  
Праведу я русалачкн да бору,  
А сама вернуся да дому.  
Рано, рано!

Всѣ Юрнновцы вѣрятъ, что въ продолженіе зеленой недѣли ходятъ русалкн,—люди, умершіе не натуральною смертію, и, говорятъ также, что если эти русалкн поймають челоуѣка, то защекочуть его на-смерть.

*і) Купало.*

На канунъ 27 іюня, вечеромъ, дѣвушки, а болѣе дѣти, раскладываютъ вдали отъ жилищъ огонь, или собирають большую кучу крапнвы, скачуть чрезъ это, и ноють:

Порах, порах  
Па дорогах.  
Иване, Иванесеньку!  
Сестрин галасок



Па дубровах.  
Иване, Иванесеньку! (14)  
Сестра в брата  
Прасилася:  
Братко ты ж мой,  
Да й Иваначку!  
Не губи мене  
Да й у барочку,  
Приведи мене  
Да й дадомочку,  
Загуби мене  
В недълячку,  
Як измыю  
Да й голованьку,  
Да й заплету  
Русу косаньку;  
Загуби мене  
В чистом поли,  
Пахавай мене  
В край дарози,  
Абсьй мене  
Гваздычками,  
Абсады мене  
Васильочками.  
Дъвачки йдуть,  
Гваздычки рвуть,  
И мене знаминуть:  
Тут спит-лежит  
Иванова сестра...  
Парабочки йдуть,  
Зтрълачки рвуть,  
И мене знаминуть:  
Тут спит-лежит  
Иванова сестра  
Да й Анюточка.  
Васильочки рвуть,  
И мене знаминуть...  
Иване, Иванесеньку!

---

(14) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ куплетомъ.

Говорятъ, что въ ночь подъ Ивана-Купала цвѣтеть *папереть*, и если кому удастся достать цвѣтъ этаго растенія, тотъ будетъ знать все на-свѣтъ. Какъ доставать этотъ цвѣтъ и какія онъ имѣетъ таинственныя свойства—объ этомъ народъ рассказываетъ слѣдующее: нужно въ ночь на 27 іюня идти къ мѣсту, гдѣ много чернаго папоротнику, обчертить это мѣсто вокругъ и, сѣвъ въ центрѣ круга, ожидать полуночи, когда обыкновенно начинается цвѣсть папереть. Какъ скоро онъ зацвѣтетъ, то сорвать цвѣтокъ и, сѣвъ опять въ кругъ, ждать разсвѣта. Въ доказательство, какую имѣетъ силу папоротный цвѣтокъ, простолюдины приводятъ слѣдующій фактъ: одинъ работникъ потерялъ воловъ своего хозяина и, долго искавши ихъ ночью, на канунъ Ивана-Купала, легъ и заснулъ; проснувшись, вдругъ, какъ будто бы по откровенію, узнаетъ не только гдѣ его волю, но даже все, что дѣлается во вселенной. Не успѣлъ работникъ еще одуматься, что съ нимъ случилось, какъ является къ нему незнакомецъ и проситъ его продать ему съ ноги изорванный лапоть, за что предлагаетъ дорогую плату. Работникъ продалъ; но какъ скоро сбросилъ съ ноги лапоть, то пересталъ знать все. Объясняютъ, что въ лапоть случайно попалъ цвѣтъ папоротника, который и былъ проданъ вмѣстѣ съ лаптемъ незнакомцу—разумѣется, чорту,—и все знаніе потеряно.

### 5. Повѣрья и суевѣрья.

Юриновцы болѣе всѣхъ окружныхъ поселянъ заражены суевѣріемъ и предрасудками; а поэтому я долгомъ считаю упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ.

Если на *богатую кутью* бываетъ небо звѣздное, то слѣдующій годъ будетъ годомъ изобилія и плодородія. Если во время освященія воды, рыба ходитъ табунами, то на слѣдующее лѣто будутъ роиться пчелы. Колокъ, коимъ пробиваютъ ледъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ святить на Крещеніе воду, почитается

необходимымъ для хозяина, а особенно для пчеловода: говорятъ, что если хозяинъ имѣетъ такой колокъ, то хозяйство его идетъ успѣшно. Если кто-бы то ни былъ встрѣтится съ кѣмъ либо, или перейдетъ дорогу кому-либо, то послѣдному не будетъ счастья; для отвращенія же несчастья, въ подобныхъ случаяхъ, перевязываютъ поясъ рубахи узломъ назадъ; если же человекъ ѣдетъ, то подъ колесо подбрасываетъ палочку переѣзжаетъ чрезъ нее и послѣ, разламавъ, отбрасываетъ назадъ. Если кто въ первый разъ услышитъ громъ, то спѣшитъ поднять что либо тяжелое, чтобы спина не болѣла. Если увидятъ въ первый разъ ласточекъ, то спѣшатъ умываться, чтобы лицо было чисто. Когда надъ хатою кричитъ пугачъ, или сычъ, то это предвѣщаетъ несчастье, и болѣе пожаръ. Если покупаютъ что-либо и замѣтятъ, что то продаютъ съ сожалѣнiемъ, то, значить, купленная вещь не пойдетъ хозяину въ пользу. Если купятъ лошадь, то вводятъ ее въ дворъ задомъ и становятся ее навсегда тамъ, гдѣ она сама въ первый разъ станетъ. Вѣрятъ въ домовыхъ, будто-бы они ночью ѣздятъ на лошадяхъ, — въ вѣдемъ, вовкулакъ. Если строятъ дома, то закладываютъ тамъ, откуда дуетъ теплый вѣтеръ. Если запоетъ курица, то означаетъ смерть хозяина или хозяйки. Если рождается болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ, то будетъ скоро война. Если во время звона колокола гудеть уныло, то скоро кто-либо умретъ. Кто первый изъ новобрачныхъ ступитъ въ церковь, или у кого прежде потухнетъ брачная свѣча, тотъ прежде и умретъ. Если на Воскресеніе Христово за обѣднымъ столомъ кто пьетъ воду, тотъ уже никогда не пообѣдаетъ безъ воды. Если кто ссорится на Новый годъ, то тотъ будетъ ссорится и въ продолженіе цѣлаго года. При закармливаніи свиней на сало, собираютъ жирные вершки съ пици и даютъ ихъ свиньѣ, для того, чтобы она была жирна. Въ *густый четвергъ* до восхода солнца прибираютъ чисто въ хатѣ и сами хозяева вымываются дома, а иные ходятъ и на рѣку. Если ссенью въ воздухъ летаетъ много

паутины, то слѣдующій годъ будетъ урожайный. Если чешется ладонь, то, значитъ, получать деньги, а если глаза—плакать. Если умывается кошка, скреकेчетъ сорока, или скачутъ искры изъ печи, когда она топится,—то будутъ гости. Кутью всегда ставятъ на *покути*, на снѣ, а когда ее поѣдятъ, тогда хозяинъ, хозяйка и дѣти садятся на мѣсто, гдѣ была кутья и квокчутъ по куриному, для того, чтобъ куры сядились на яйца и выводили цыплятъ. Послѣ этого снѣ, на коемъ стояла кутья и сидѣли хозяева, кладутъ въ гнѣздо, гдѣ будетъ сидѣть курица на яйцахъ. На Крещеніе Юриновцы начинаютъ учить молодыхъ воловъ и лошадей; до того же не учать. Если идетъ градъ, то выкидаютъ на дворъ сковороду и кочергу, для того, чтобы градъ пересталъ идти. Когда золять платье, то выходятъ на открытый воздухъ и кричатъ: *цуцу, бѣлый!*—чтобы бѣлье было бѣлое. Юриновцы бородъ не бръютъ и почитаютъ бритье за важный грѣхъ. Въ день Юрія Юриновцы обрѣзаютъ лошадямъ хвосты и гривы, а въ день Флора и Лавра ни за что не стануть работать на лошади, даже не надѣнутъ оброти; ибо этотъ день почитаютъ конскимъ праздникомъ. Если заболитъ въ животъ и эта боль подходитъ къ сердцу, то берутъ въ стаканъ воды, сыплютъ въ нея довольное количество соли и мѣшаютъ непременно правымъ мезинцомъ, а послѣ выпиваютъ. Когда кто заболитъ такою болѣзнию, которая въ народъ называется *пристрѣтъ* или *болѣзнь съ глазъ*, то призываютъ знахарку, и она, взявъ стаканъ воды, вбрасываетъ въ него горячій уголь, послѣ вытираетъ больного солью, всприскиваетъ водою, которой даетъ немного и выпить. Юриновскія бабы ни за что не стануть ни садить, ни сѣять, также солить огурцовъ, на исходъ мѣсяца.

## 6. Пословицы и поговорки.

Юриновскія пословицы и поговорки очень сходствуютъ съ пословицами и поговорками окружныхъ

поселянъ. Прилагаю здѣсь, для образца, нѣсколько записанныхъ мною изъ устъ народа.

Сльпому Амелъки все копейки.

Не давши слова, держись, а давши—крепись.

И дурень бы каши наварив, ик бы круи дали.

Чужа голова—гемный лис.

Не бачила очком, то не брещи и язычком.

Не влады ячной лусты, а влады пшеничне слово.

Голодной кумъ хлѣб на умъ.

Не то пьяница, що пѣе, а то, що впиваетця.

Не тады спать як таварицъ шапки шукае.

Мое одно, да й то не ладно.

Попався миж вороны, то й кравай, як йоны.

Попавсь у нерет—ни назад, ни наперед.

Як зайшов за Дунай, то й до дому не думай.

Ворона! иде ты лѣтала, що въ царскій двор попала?

Пуд лежачій камень вода не бѣжить.

Не право теля, що в лис пошло, не прав вовк,  
що й теля зѣвъ.

З сала не велика слава, да й без него пагано.

За кампанію и цыган повѣсився.

Смашне не валяется, а хороше не волочиться.

Скачи враже, як пан каже!

Запас бѣды не чинить.

Всякому свое рыло мило.

Не страшно жениться, а страшно пона еднать.

Знайте Ляше, що Случ наше!

Нужда навчит хлѣба ѣсты.

Ик скаже: сухо, то подымайсь по ухо.

Через то и хлѣб не родит, що свинья у плахти  
ходит.

До готовой колоды добре огонь подкладать.

Дитки плачут, а в матки серденько болит.

Не тоды сабак кормят, ик на вловыйи йдутъ.

Тыха вода греблю рве.

На те каваль клещи куе, щоб рук не пацекти.

Мы самы с усами.

Борода честь, а усы и въ kota есть.

Не лятай ворона в чужіе хоромы.  
Одежду береги с нова, а честь — с молоду.  
Брехнею свѣтъ пройдеши, а назад не вернешься.  
Казав цан: дам жуан, да слово его тепло.  
Рука руку мый, щобъ была була.  
Не хвались, да Бгу молись.  
Мягко стеле, да твердо спать.  
Сабака брехне, а человекъ вѣри пайме.  
Кошки жартки, а мышки плач.  
Тады недѣля, икъ льоля была.  
Хоть пнем по совѣ, хоть сову об пень, а все со-  
въ лыхо.

Якъ ядят, да пьют, дак и кучерявчиномъ зовут,  
а попьют, поядят, — прощай шолудей.

Да Духа не скидай кажуха, а мине Дух — надѣв: и  
другій кажух.

Калы съла в ряду, тягни туго и бѣду.  
На що мине казна, калы жонка без ума.  
Терпи казак, атаман будеш.

## 7. Загадки.

Пастелю рагожку,  
Пасиплю гарошку,  
И акраец хлѣба. (1)

Бѣле поле, чорное насѣнье,  
Хто его знае, той его съе. (2)

Ѣхав капитан,  
Всѣх людей папитав:  
Що за кости лѣжат,  
Що и сабаки не ядят? (3)

Кину я не палец,  
Убью не галец,  
Оскубу не перье,  
Изъѣм не мѣсо. (4)

(1) Небо, звѣзды и мѣсяць.

(2) Бумага и письмо.

(3) Черепки.

(4) Рыба.

Жельзный токъ,  
Свинный перескок,  
А грецкій пасад. (5)

Два брата большіе,  
А два меньшіе,  
Меньшіе бѣжат,  
А большіе не нагонят. (6)

Ножкою тупну,  
Черевцом трухну:  
Разявитця, дак и вихну. (7)

Под одним колпаком  
Сем сот козаков. (8)

Крикнула утка—  
На мори чутка,  
Собралися дитки,  
Да не одной матки. (9)

Вышла пани  
На ардани,  
Путае кони  
На ладони:  
Узлык—да не развяжеш. (10)

Двъ щучьи головы вкушы,  
А хвасты на-разья. (11)

Виса висит,  
Хода ходит,  
Виса впала,  
Хода съѣла. (12)

---

(5) Сковорода, сало и блинъ.

(6) Колеса въ возѣ.

(7) Кросны тчутся.

(8) Маѣ въ маковкѣ.

(9) Звонъ колокола и люди.

(10) Замокъ.

(11) Лавки.

(12) Груша, упавшая съ дерева и свинья.

Улазь, на одной назь,  
Свирид крупы дере. (13)

Прійшла тота  
Пуд наши варота,  
Питаецця в лепеты,  
Чи дома панура? (14)

Прійшли чернички  
На вечернички,  
Як полъгли спать,  
Даъ и теперь спят. (15)

Памиж дубками  
Телята бьютця лабками. (16)

Лъзу, лъзу  
Па новом желъзу;  
Царскіе сабаки заядят. (17)

Одно каже: дай Боже!  
Друге каже: не дай Боже!  
А третій каже: мими все равно. (18)

Суну-пасуну—  
Трахимка смяецця. (19)

## II.

### СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Юриновскіе жители владѣютъ достаточнымъ количествомъ черноземной земли, прекрасными дубровными сѣнокосами и лѣсами, и въ этомъ отношеніи богаче другихъ обружныхъ поселянъ.

- 
- (13) Свердель, т. е. буравъ.  
(14) Волкъ, собака и свинья.  
(15) Жерди на овинъ.  
(16) Грабли.  
(17) Пчелы.  
(18) Кровать, дверь и окно.  
(19) Отворяющееся окно.



Главное занятіе ихъ есть хлѣбопашество. Рожь, коноплю, гречиху, ячмень, ленъ и горохъ сѣютъ въ изобиліи; овесъ—рѣдко, а пшеницу и яровую рожь—еще рѣже. Чечевицу же и табакъ не сѣютъ никогда. Въ 1852 году начали заниматься разведеніемъ въ большемъ количествѣ огурцовъ и свеклосахарныхъ бураковъ.—Поля подъ рожь удобряютъ очень рѣдко и то съ осени, когда забираютъ копы: привозятъ на поле нѣсколько возовъ гнилой соломы, или же,—какъ дѣлаютъ богатые,—просятъ пастуха, чтобы онъ съ табуномъ скота нѣсколько дней постоялъ на ихъ нивахъ. Огороды, напротивъ того, удобряютъ весьма хорошо и вывозятъ на нихъ много навоза различнаго рода. Это дѣлаютъ весною, когда начинаютъ пахать.

Молотьба жита у Юриновцевъ производится такъ: предварительно сушатъ снопы на овинѣ, а послѣ раскладываютъ въ два ряда, что называется *пасада*, и обиваютъ, т. е. молотятъ разомъ въ нѣсколько цѣповъ, отъ 4 до 8; эта молотьба самая выгодная, потому что сушеные колосья не удерживаютъ въ себѣ зеренъ и тѣмъ увеличиваютъ прибыль хозяина; в омолоченные, отъ 3 до 6 *копъ* (15), на четыре часа сокращаютъ время работъ.

Конопля не вся сушится и молотится, а только обрѣзанныя головки. Льняное сѣмя Юриновцы продаютъ на сторону, оставляя себѣ одни стебли, для холста, который, впрочемъ, они еще ткутъ и изъ *замашки*. Масла изъ льнянаго сѣмени Юриновцы не дѣлаютъ, и даже думаютъ, что оно не существуетъ на свѣтъ. Коноплю всегда мочатъ осенью, а весной ткутъ; ленъ же и *замашку* всегда стелютъ на низменныхъ мѣстахъ и тамъ, гдѣ бы не могъ ходить скотъ.

Кромѣ этого, Юриновцы занимаются еще скотоводствомъ. Въ Юриновкѣ есть достаточное число хозяевъ, которые имѣютъ штукъ по 70 лошадей и

(15) Копъ—62 снопа, она дѣлится на полукопки, по 31 снопу.

рогатаго скота, овецъ до 200 и свиней до 30-ти головъ. Скотъ у нѣкоторыхъ Юриновскихъ поселянъ обращаетъ на себя главное вниманіе и попеченіе хозяина, особенно лошади и коровы, — почему они бываютъ крупны и очень здоровы. Многіе бѣдные хозяева вовсе не имѣютъ коровъ, а замѣняютъ ихъ козами, коихъ у нихъ бываетъ штукъ до 25 и болѣе.

Многіе зажиточные поселяне имѣютъ хорошіе сады и пасѣки, — хотя послѣднія и незавидныя, но иногда простираются до 100 колодъ, и подають большую надежду на будущее время. Пчель Юриновцы держатъ въ большихъ стоянахъ, и нѣтъ ни одного хозяина, который бы имѣлъ хотя одинъ амшаникъ.

Юриновцы особенно отличаются своими колесниками и прекрасными мастерами дѣлать простые возы и сани. Всѣ окрестные поселяне заказываютъ это въ Юриновкѣ, и если кому случится гдѣ либо на торгу покупать сани, возъ или колеса, то почти всегда спрашиваютъ: нѣтъ ли *Юриновскихъ*? Женщины при покупкѣ веретень тоже спрашиваютъ *Юриновскихъ*. Но за то въ Юриновкѣ худые кузнецы и портные, а сапожника нѣтъ ни одного, за исключеніемъ *цыгана Василія*, который можетъ только накладывать заплаты и то неуклюжія.

Главный предметъ промышленности Юриновскихъ крестьянъ есть пенька и конопля, которую покупаютъ у бѣднѣйшихъ нѣкоторые изъ зажиточныхъ поселянъ, а послѣ продаютъ Трубчевскимъ купцамъ. Торгъ этотъ почти всегда производится такъ: бѣдные поселяне берутъ у зажиточныхъ деньги, когда имъ вздумается, а послѣ съ лихвою отдають пенькою. Нѣкоторые поселяне, обладая хорошимъ строевымъ лѣсомъ, строятъ хаты и коморы, а послѣ продаютъ другимъ. Нѣкоторые же ведутъ торгъ дровами; но подобный торгъ не выгоденъ, потому что въ окрестности дровъ много, а города и мѣстечка, гдѣ бы можно было сбывать дровами

льсь, — далеко. Некоторые Юриновцы гонятъ еще деготь, для продажи; но торговля еще незначительна, потому что деготь Юриновскій не имѣетъ настоящей доброты.

Въ Юриновскомъ шинку всякій поселянинъ, сверхъ дешевой водки, можетъ еще найти рыбу — тарань, рубанку, чебакъ, пласть, также баранки и булки.



## Дополненіе къ историческому описанію села Юриновки <sup>(1)</sup>.

1) Описывая село Юриновку въ историческомъ отношеніи, за неимѣніемъ подъ рукою письменныхъ свѣдѣній, я основывался болѣе на устныхъ народныхъ преданіяхъ, отчего статья моя и вышла неполною. Нынѣ же, благодаря любителю древностей, наставнику здѣшней духовной семинаріи, іеромонаху Никодиму, на основаніи доставленныхъ имъ мнѣ актовъ, я могу точнѣе опредѣлить время основанія Юриновки и ея первоначальное состояніе.

2) Слобода Юрьева основана въ 1657 году какимъ то „славетнымъ“ Феодоромъ Юрьевичемъ, съ позволенія епископа Черниговскаго Лазаря Барановича. Это видно изъ грамоты послѣдняго Феодору Юрьевичу, данной 1657 года Апрѣля 20, изъ Новгородскаго монастыря. Въ ней, между прочимъ, сказано: „со благословеніемъ нашимъ пастырскимъ, позволено слободу закладывать славетному Феодору Юрьевичу въ маестности нашей Олтарской и Глазовской, на урочищу, называемомъ Буковищу и Барновой-Лозѣ; дати оному волности на мѣть пятнадцать; которая слобода закладаетца въ теперешнемъ року, тысяча шесть сотъ пятьдесятъ седмомъ, мѣсяца апрѣля двадцатаго дня. А слобода тая мается называти: *Юрьева слобода*, въ которой вольно каждому вселитися и волности заживати“.

3) Актъ этотъ, какъ нельзя болѣе, подтверждается и разъясняется народными преданіями <sup>(2)</sup>.

4) Безъ всякаго сомнѣнія, Юриновка существовала и до 1657 г., только, вѣроятно, называлась не слободою, а хуторомъ, основателемъ коего былъ

(1) Черниг. Губ. Вѣд. 1855 г., № 19, стр. 155—158.

(2) Черниг. Губ. Вѣд. 1855 г., № 19, стр. 156.

нѣкто *Юрій*, можетъ быть отецъ *Феодора Юрьевича*, заложившаго слободу *Юрьеву*.

5) Далѣе въ той же грамотѣ говорится, что *Юриновцамъ* дано было право производить винокурение, а славетному *Феодору Юрьевичу* позволено построить церковь во имя *Св. Троицы*.

6) Относительно послѣдняго обстоятельства я не лишнимъ считаю замѣтить, что хотя въ 1657 году и позволено построить церковь; но—какъ гласитъ преданіе (3)—это осуществилось только во время гетманства *Мазепы* (между 1687—1708 г.), т. е. не ранѣе, какъ черезъ 30 лѣтъ послѣ позволенія. Это можетъ служить доказательствомъ, что до гетманства *Мазепы*, *Юриновка* была населена довольно слабо, и поселенцы не имѣли средствъ устроить церковь, особенно послѣ опустошеній, произведенныхъ въ слободѣ *Юрьевой Поляками*, въ 1663 году (4).

7) Въ послѣдствіи *Лазарь Барановичъ*, связанный родствомъ и дружбой съ *Михиломъ Лежанскимъ*, архимандритомъ *Новгородсверскаго Спасо-Преображенскаго монастыря*, отдалъ слободу *Юрьеву* съ „дворцомъ“ *Дупликовкою* (5) во владѣніе того монастыря; но архіепископъ *Черниговскій Іоаннъ Максимовичъ* возвратилъ эти „маетности“ *Черниговскому кафедральному монастырю*. Послѣ *Юриновка* опять находилась во владѣніи *Новгородсверскаго монастыря*, а за тѣмъ перешла во владѣніе *Черниговскаго кафедральнаго*; наконецъ, *Петръ I* обратилъ ее въ казну.

1855 г., май.

Черниговъ.

(5) Черниг. Губ. Вѣд. 1855 г., № 19, стр. 157.

(4) Черниг. Губ. Вѣд. 1855 г., № 19, стр. 157.

(5) Нынѣ деревня, причисленная къ *Юриновкѣ*, отстоящая отъ нея на  $\frac{1}{4}$  версты.